

DOI 10.35775/PSI.2024.107.7.026

УДК 32.327

М.И. КРУПЯНКО

доктор политических наук, в.н.н. Института
востоковедения РАН, Россия, г. Москва

Л.Г. АРЕШИДЗЕ

доктор исторических наук, профессор
ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

НОВЫЙ КУРС ЯПОНИИ НА КАРДИНАЛЬНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ СВОЕЙ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВПЕРВЫЕ С ВРЕМЕН ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ЧАСТЬ I)

В статье авторы проанализировали логические последствия завершения эпохи сотрудничества России с Западом после окончания первой «холодной войны» в начале XXI-го века и признание того факта, что возвращения к ситуации до 24 февраля 2022 года, т.е. до начала Специальной военной операции России на Украине – в ее отношениях с США, НАТО и Японией – больше не будет. Тридцатилетняя эпоха в целом конструктивного, хотя и не без проблем, сотрудничества России с Западом окончательно завершена. Капитулировавшая после окончания Второй мировой войны Япония сегодня, в начале XXI-го века, оказалась полностью подчиненной американским стратегическим интересам по построению нового мирового порядка на Дальнем Востоке, а стало быть, – ее правящие круги сегодня принимают самое активное участие в действиях по сдерживанию влияния России в мире, в целом, и на Дальнем Востоке, – в частности, препятствуя ее сближению с Китаем и содействуя в укреплении в дальневосточном регионе блоков недружественных России стран в интересах США и их союзников в этой части земного шара.

Ключевые слова: «холодная война 2.0», гонка вооружений в космосе, политика «сдерживания», «новый оборонный бюджет Японии».

Долгие послевоенные десятилетия второй половины XX-го века государственная политика Японии в военной области практически не имела целостной концептуальной основы. основополагающий документ в этой области под названием «Базовая политика в области национальной обороны» был принят кабинетом министров Японии лишь в 1957 г., т.е. спустя более 10-ти лет после окончания войны. Он содержал, главным образом, такие абстрактные лозунги, как «поддержание деятельности ООН», «развитие международного сотрудничества», «защита страны на основе японо-американского сотрудничества в сфере безопасности» и т.п. Однако уже в начале XXI-го века, уже после окончания

«холодной войны 1.0» и вступления мира в новую «холодную войну 2.0» стало очевидно, что устаревшая и расплывчатая военная концепция середины XX-го века уже не могла служить практическим руководством к действию властям Японии в новых международных условиях и особенно после начала СВО России с Украиной в феврале 2022 г., когда США и страны НАТО, подспудно перешли к завуалированной силовой конфронтации с нашей страной.

К этому времени правительство Японии было вынуждено принять ряд концептуальных программных документов в военной области, ознаменовавших собой качественный поворот в ее внешней политике, которая обретала новую основу в свете резко обострившейся международно-политической ситуации в мире и, прежде всего, в отношениях объединенного Запада с Россией.

Первый вариант развития своей новой военной политики, в том числе и на российском направлении, власти Японии приняли 17 декабря 2013 г. Он представлял собой пакет программных документов, определявших государственную стратегию в области обеспечения национальной обороноспособности на обозримую перспективу. В их число тогда входило 3 основных документа: «Стратегия национальной безопасности», «Основные направления программы национальной обороны» и «Среднесрочная программа развития оборонного потенциала». Кроме того, 19 сентября 2015 года парламент Японии принял новый «Закон об обороне» [7]. Анализ указанных документов позволял сделать главный вывод об окончательно наметившемся качественном сдвиге в военной политике японских властей от пацифистского настроя к реализации наступательной стратегии, которая будет иметь долгосрочные последствия для всей системы международных отношений в Восточной Азии.

16 декабря 2022 года правительство Японии утвердило три обновленных документа в сфере обороны, которые были приняты в декабре 2013 года, но уточнены в декабре 2022 г. Это были «Стратегия национальной безопасности», «Стратегия национальной обороны» и «Программа развития обороны» [9]. Главным ключевым элементом новой «Стратегии национальной безопасности» стало создание возможностей для нанесения ответного контрудара, в случае ракетной атаки со стороны неназванного «противника». Тогда же власти в Токио сделали важный шаг на пути к выполнению своего обязательства увеличить военные расходы до 2% валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Это был исторический шаг в развитии внешней политики Японии, потому что после окончания Второй мировой войны всю вторую половину XX-го века она проводила относительно пассивную политику, но внезапно обратилась к таким высоким расходам на оборону в национальном бюджете и объявила о переходе к активной военной стратегии и к «нормальному государству» в начале XXI-го века, что стало для Токио настоящей революцией. В рамках «Стратегии национальной безопасности» Токио демонстрирует, что в ближайшие десять лет Япония проведет стратегические обновления в таких областях, как оборона, экономическая безопасность, дипломатия, кибербезопасность и разведка.

Важнейшим из этих новых документов в области военной политики Японии, на наш взгляд, является «Стратегия национальной безопасности Японии» (National Security Strategy), содержащая новое концептуальное видение направлений национальной обороны и новые подходы к их решению на ближайшие десятилетия, включая и политику на российском направлении [3]. Документ был подготовлен Советом национальной безопасности и утвержден кабинетом министров. Ключевым понятием в новой «Стратегии» является введение в японский политический оборот понятия «активный пацифизм», что предполагало существенную модификацию правовых, институциональных и кадровых основ государственной политики в сфере дипломатии и военной политики.

Одним из важнейших новых положений «активного пацифизма», внесенного в «Стратегию национальной безопасности», японские СМИ справедливо назвали «право сил самообороны на нанесение первыми контрударов в случае готовящегося нападения на Японию извне». Первоначально речь шла не столько о контрударах, сколько о превентивных ракетных ударах по военным базам предполагаемого противника. При этом имелись в виду не столько даже удары по российским военным базам, сколько уничтожение ракетно-ядерного потенциала КНДР, руководство которой якобы вынашивает планы нападения на Японию. Однако, опасаясь жесткой реакции на планы «превентивных ударов» по России, составители «Стратегии» указывали на отказ Токио от упреждающих ударов вообще. Тем не менее, это не означало, что идея нанесения контрударов была отвергнута властями полностью.

В действительности идеология «активного пацифизма», как ее трактуют сами японские власти, означает не столько интенсификацию миротворческих усилий Японии под эгидой ООН, как это можно было бы предположить из этимологии данного понятия, сколько легитимацию права Японии на коллективную самооборону. Так, в одной из своих публичных лекций бывший премьер-министр С. Абэ, рассуждая об «активном пацифизме», напрямую связывал его с правом на коллективную самооборону в контексте союзнических обязательств Японии по «договору безопасности» с Соединенными Штатами.

Что же касается упоминания о России в «Стратегии национальной обороны», как о противнике Японии, то после сложных дебатов в парламенте и в СМИ составители документа все же не стали называть нашу страну своей главной «угрозой», хотя такие предложения и высказывались. Тем не менее, формулировки в отношении России были ужесточены. Токио считает, например, что последние действия России в новой «холодной войне 2.0», и в частности, нападение на Украину в рамках «Специальной военной операции» от февраля 2022 года вызывали «серьезную обеспокоенность» в связи с опасным развитием ситуации вокруг этой страны в Европе, а также в связи с активизацией стратегического сотрудничества России с Китаем, оказания ему содействия даже в размещении на территории Кубы секретной военной шпионской базы КНР для слежения за действиями США, о чем сообщала газета «The Wall Street Journal» от 8 июня 2023 г. со ссылкой на американских официальных лиц, знакомых с разведанными

по этой проблеме. В материале также уточнялось, что военная база будет специализироваться на электронной разведке и сможет перехватывать все коммуникации на юго-востоке Америки, где расположено множество американских военных объектов [2]. Также китайское специальное оборудование с территории базы может легко отслеживать любые передвижения кораблей ВМФ США.

Примечательно, что в новой «Оборонной стратегии Японии», несмотря на отказ Москвы в марте 2022 г. обсуждать с Токио вопрос о принадлежности российских Курильских островов и вести с японцами переговоры о заключении мирного договора, японские власти все же подтверждали свою приверженность и в дальнейшем не отказываться от «курса на решение территориального вопроса и на заключение мирного договора». Интересно, напомним, что в прежней редакции «Стратегии национальной безопасности» Японии от 2013 года Россия вообще обозначалась, как партнер Японии. Там же тогда отмечалась важность сотрудничества Японии с РФ во всех сферах, включая безопасность и энергетику. Однако уже в новой редакции «Стратегии» правительство Кисида, сжигая мосты в японо-российских отношениях, встроилось в антироссийскую политику США и НАТО, которая была уже направлена на международную изоляцию России и на ее военное истощение. Более того, выступая в префектуре Сайтама 11 ноября 2023 г. на авиабазе ВВС Ирума премьер-министр Фумио Кисида вообще заявлял, что «Мы заявляем о самой серьезной угрозе безопасности Японии со стороны России со времен Второй мировой войны» [1].

Важной стратегической целью Японии, обозначенной в другом документе – в «Основных направлениях программы национальной обороны» обозначалось решение японских властей задач всемерного наращивания силового потенциала «динамичной обороны». Понятие «динамичной обороны» подразумевает в первую очередь такую модель военного строительства Японии, при которой боевые возможности «сил самообороны» могут использоваться с максимальной гибкостью и эффективностью. Приоритет при этом отдается мобильному характеру боевых подразделений, их способности к быстрому реагированию на события и развертыванию в соответствии с изменениями оперативной обстановки. Документ «Основные направления» предусматривал модификацию потенциала «динамичной обороны» как в количественном, так и в качественном отношении.

Обращает на себя внимание также и тот факт, что если в предыдущих версиях «Основных направлений» всегда подчеркивалась необходимость проявления Японией «сдержанности» в деле развития наступательного потенциала японской армии, то в нынешней редакции понятие «сдержанности» было заменено тезисом о необходимости «качественного развития оборонного потенциала с целью повышения его эффективности и целостности».

Что касается третьего документа из серии обновленной стратегии безопасности, принятых японскими властями в период новой «холодной войны 2.0», а именно: «Среднесрочной программы развития оборонного потенциала», то главный упор в нем делался на конкретных шагах по наращиванию наступательной мощи морских и сухопутных подразделений сил самообороны,

повышению уровня их мобильности, способности защищать, а при необходимости – и отбирать у противника «отдаленные острова» на юго-западном направлении. Рассчитанная на пять лет программа провозглашала необходимость создания «объединенного оборонного потенциала гибкого реагирования», который позволял бы обеспечить эффективную координацию сухопутных, военно-морских и военно-воздушных Сил самообороны Японии в случае начала боевых действий.

«Среднесрочная программа» предусматривала приобретение в течение пяти ближайших лет новых видов вооружений для всех родов войск японской армии, в том числе, закупку 99 маневренных бронетранспортеров, 55 десантных машин-амфибий, 2 эсминцев, оснащенных комплексами «Aegis», 5-ти подводных лодок, 17 конвертопланов «Osprey», 28 истребителей F-35, 3-х разведывательных беспилотников «Global Hawk». Предполагалось также увеличить парк боевых самолетов с 260 до 280 единиц. Для достижения всех поставленных задач намечалось выделить на пятилетний период, начиная с 2014 г., 24,67 трлн иен (около 240 млрд долл.), что на 1,18 трлн иен было больше, чем за предыдущие пять лет.

Важным по своей значимости в этом вопросе можно считать тот факт, что, как отмечалось выше, 19 сентября 2015 года парламент Японии принял новый «Закон в сфере обороны». Оценивая данный документ с точки зрения его соответствия действующей Конституции 1947 года, профессор Осацкого Университета Кадзюя Сакамото, отмечал, что закон был хорошо продуман – он заметно укреплял наступательный потенциал Японии в новых крайне турбулентных международных условиях «холодной войны 2.0».

Профессор Сакамото особо выделял в новом законе возможность Японии реализовать права на коллективную оборону, расширяя вспомогательные функции японской армии, которая должна защищать американские войска, занимающиеся патрулированием морских территорий с целью обеспечения безопасности Японии с моря на фоне растущего укрепления позиций Китая в Южно- и Восточно-Китайском морях.

При этом бывший начальник штаба ВМС Японии Коити Фурусе вообще считал, что принятие закона продемонстрировало решимость японских властей внести дополнительный вклад в укрепление стабильности на Дальнем Востоке на российском и китайском направлениях [6].

Принятие нового закона в военной сфере обороны имело большое значение и в вопросе формирования новой военной идеологии Японии. С его принятием удавалось, наконец, поставить точку в самостоятельных действиях Японии в мире: ведь впредь она могла осуществлять право на коллективную оборону в рамках Конституции, хотя до этого правительство утверждало, что Конституция не позволяла ей этого делать. В итоге новый закон сегодня активно стал работать на укрепление японо-американского военного союза, а Япония – становилась важной сдерживающей силой, которая может ограничивать действия России на Дальнем Востоке с опорой на военную силу.

С апреля 2015 г., т.е. после отстранения бывшего президента Украины Януковича от власти в апреле 2014 года, правительства Японии и США пересмотрели курс сотрудничества на российском направлении: впредь японские силы самообороны и американские войска должны были чаще проводить совместные японо-американские военные учения и тесно сотрудничать друг с другом в сфере обмена разведывательной информацией. Приняв новый оборонный закон, Япония как бы лишней раз подчеркивала свою решимость делать максимум усилий для укрепления союза с США в целях сдерживания России и Китая на Дальнем Востоке, и даже демонстрировать свою готовность проливать кровь японских солдат во имя защиты общих «демократических ценностей». Ведь, например, на войну в Персидском заливе, т.е. на вооруженный конфликт между многонациональными силами (МНС) и Ираком за освобождение и восстановление независимости Кувейта в период с 2 августа 1990 года по 28 февраля 1991 года – Япония не направляла ни одного своего солдата «на бойню», предоставляя взамен огромную финансовую помощь в размере 13 миллиардов долларов. Однако мировое сообщество не оценило тогда этого шага со стороны властей Японии и настаивало на том, чтобы японские солдаты непосредственно лично приняли участие в боевых действиях. Страны НАТО настаивали на том, чтобы Япония хотя бы после окончания той войны все же направила в Персидский залив морские силы самообороны для сбора подводных мин. Япония выполнила тогда эти требования и такой шаг Токио был по достоинству оценен союзниками США, а японский флаг появился на футболках и почтовых марках. В глазах мировой общественности это означало, что Япония все же продемонстрировала свою готовность проливать кровь японцев за общие интересы своих союзников.

Однако власти Японии старались избегать частых действий в этом направлении, так как Токио был вынужден тщательно подходить к выбору внешнеполитического инструментария для защиты своих национальных интересов в зоне Персидского залива и с большей осторожностью использовать как «жесткую», так и «мягкую» силу ради усиления своих геополитических позиций на Ближнем Востоке в целом.

Вместе с тем, США и их союзники требовали от японских властей расширить функциональные обязанности военнослужащих сил самообороны, в том числе связанные с увеличением в период новой «холодной войны 2.0» рисков для их жизней. В этих условиях возникала даже проблема нехватки оперативных кадров. Например, по состоянию на март 2015 г., показатель наполняемости ВМС Японии составлял всего 92,8%. После окончания срока обучения военнослужащие поступали на временную службу, не успев даже отгулять полагающийся им отпуск, отправляясь в войска.

Оценивая новый японский военный закон, бывший министр обороны США Уильям Коэн в администрации президента Клинтона в 1997-2001 годах, подчеркивал, что благодаря его принятию Япония, наконец, становится «нормальной страной» и сможет полноценно выполнять свои союзнические обязательства. Сегодня она обладает огромной экономической мощью, однако эта сила

не означает ухода ее от глобальной ответственности. В новых международных условиях Япония должна взять на себя более серьезный груз. Сегодня интересы Токио находятся не только в близлежащем дальневосточном регионе, но также и в других частях мира, включая и Европу.

Сегодня ситуация в мире меняется так быстро, что японским властям важно осознать, что страна должна соответствовать этим изменениям. Приняв новый закон об обороне, Япония будет играть все более возрастающую роль с точки зрения сдерживания России в мире. Сегодня японцы должны понимать, что их страна является якорем, который поддерживает безопасность всего Азиатско-Тихоокеанского региона [6]. Новый закон об обороне Японии играет важную роль в политике США по увеличению их влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе. США рассчитывают укрепить свои отношения с такими странами, как Австралия, Индия и Филиппины. Поэтому Япония должна будет принимать самое активное участие в строительстве новой системы коллективной безопасности в Азии и играть в этом свою решающую роль.

Таким образом, принятие Японией новых концептуальных документов в военной области в период «новой холодной войны 2.0» ознаменовало собой качественный поворот в ее политическом курсе, который четко обозначился после прихода к власти кабинета С. Абэ в декабре 2012 г. Этот курс был рассчитан на создание мощного современного военного потенциала, позволяющего Японии проводить активные боевые действия не только на своей территории, но также и далеко за ее пределами при опоре на достигнутую страной экономическую и технологическую мощь. Цель нового военного курса Японии – «подвести окончательные итоги» Второй мировой войны и окончательно превратить страну в «нормальное государство». Понятие «нормальной Японии», которое впервые было введено в оборот еще в начале 1990-х годов известным японским политиком Итиро Одзава, в первую очередь, подразумевает государство с современными вооруженными силами, которые при необходимости можно использовать для решения любых внешнеполитических задач, в том числе и с применением силы.

Анализ содержания новой военной стратегии Японии на предстоящие годы свидетельствует о том, что новый курс Токио явно отходит от традиционного понимания японского пацифизма, как отрицания права государства на участие в войнах, а напротив – юридически закрепляет такое участие. И хотя японские власти обещали японцам и впредь проводить миролюбивую внешнюю политику, не уходя далеко в сторону от «пацифизма», в действительности же – она от этого курса стала быстро удаляться, а такие заявления «являлись не более, чем шоу». «Реальность же заключалась в том, что новая военная стратегия Японии отражает коренной поворот в ее политике национальной безопасности» [5]. По выражению японского публициста Тахара Соитиро, правительство фактически реанимировало лозунг революции Мэйдзи «Фукоку кехэй» («Богатая страна – сильная армия»), акцентируя внимание на его второй части.

Сегодня можно уже с определенностью утверждать, что ставка японских властей преимущественно на военные средства обеспечения национальной безопасности, которая отражается в новой оборонной стратегии, вне всякого сомнения, вызывает серьезную озабоченность у стран-соседей Японии по региону Дальнего Востока, все еще сохраняющих память о ее милитаристском прошлом. С большой долей уверенности можно предположить, что Россия, Китай и даже Южная Корея воспринимают новый внешнеполитический курс Токио, как восстановление реваншистских амбиций. Безусловно, это чревато дальнейшей эскалацией, уже идущей полным ходом в регионе гонки вооружений, ухудшением климата доверия в отношениях между странами-соседями по региону, дестабилизацией международной обстановки в целом.

Очевидно, что пределы, до которых власти Японии могут пойти в реализации нового курса, во многом будет зависеть от интересов США в этом вопросе. На данный момент Вашингтон в целом поддерживает линию Токио на институционализацию и концептуализацию своей политики в военной области. На совещании консультативного комитета по вопросам обороны «2+2» еще в октябре 2013 г. американские представители одобрительно отзывались о решениях правительства Японии по увеличению военного бюджета, по пересмотру программ оборонного строительства и по созданию Совета национальной безопасности. Они также приветствовали стратегию, провозглашающую более «активный» вклад Японии в региональную и глобальную безопасность. Была также выражена поддержка намерений Токио легитимировать право на коллективную самооборону [4].

В принятом тогда на совещании совместном заявлении была поставлена задача изменить уже к концу 2014 г. содержание «Основных направлений военного сотрудничества между США и Японией» [8]. Действующая редакция основных направлений японо-американского военного сотрудничества, принятая еще в 1997 г., обозначала особую роль японской стороны лишь в тыловой поддержке американских войск и в иных неоперативных формах взаимодействия в «районах, окружающих Японию». Сегодня же, однако, жизнь заставляет Японию существенно расширять рамки военного сотрудничества со своим американским союзником. Поэтому в совместном заявлении отмечалось, что обновленная редакция должна быть нацелена на «плавный переход к двустороннему сотрудничеству во всех ситуациях» (в том числе в ситуациях, касающихся не только окружающих Японию районов) и «справедливое распределение ролей в оборонном сотрудничестве, основанном на обоюдной модификации имеющихся у сторон возможностей».

В новой «холодной войне 2.0» направленность внешнеполитических приоритетов программных документов правительства Японии в военной области кардинально изменилась. После принятия на рубеже 2013-2014 гг. правительством Японии впервые после окончания «холодной войны 1.0» ряда концептуально новых программных документов в военной области стало очевидно, что японская внешняя политика окончательно развернулась в сторону

следования американской антироссийской стратегии в соответствии с обострившейся международно-политической ситуацией в мире и, прежде всего, в отношениях объединенного Запада с Россией.

Продолжение статьи читайте в следующем номере

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Кисидза завил о самой серьезной угрозе Японии со времен Второй мировой войны // <https://iz.ru/1603841/2023-11-11/kisida-zavil-o-samoi-sereznoi-ugroze-iaponii-so-vremen-vtoroi-mirovoi-voiny>.
2. **Кондратьев В.** Китай разместит на Кубе шпионскую базу для слежки за США // https://lenta.ru/news/2023/06/08/cuba_usa_basa/?ysclid=ljb2n0ufi9704715055.
3. **Кошкин А.** Новая Стратегия национальной безопасности Японии де-факто аннулирует «мирную» 9-ю статью ее Конституции // <https://www.fondsk.ru/news/2022/12/19/japoncev-snova-ubezhdajut-cto-ih-strana-okruzhena-vragami-57994.html?ysclid=lf8b2cgbtq728309506>.
4. **Крупянко М., Арешидзе Л.** Япония в начале новой «холодной войны»: курс на полную боевую готовность в Восточной Азии // <https://elibrary.ru/item.asp?id=46236719>.
5. **Крылов М.** Японский пацифизм: почему премьер Абэ решил от него отказаться // <https://carnegie.ru/commentary/60472>.
6. Новый оборонный закон – благо // <https://inosmi.ru/20150921/230391620.html?ysclid=lf8dapztrn696119594>.
7. Полковник в отставке Аквилянов Ю. Превышение пределов необходимой обороны // <https://voenkom.ric.mil.ru/Stati/item/270817/>.
8. **Стрельцов Д.** Япония: новая политика национальной безопасности // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti/?ysclid=lf9c84iunw105118981>.
9. Япония обновит стратегию национальной безопасности // <https://tass.ru/ekonomika/16608013>.
10. Oryx Aid From Asia: Japan's Military Support To Ukraine. Oryx.

M.I. KRUPIANKO

Doctor of Political Sciences, Senior Researcher
Institute Oriental Studies RAS,
Moscow, Russia

L.G. ARESHIDZE

Doctor of Historical Sciences, Professor
ISAA at Moscow State University. M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia

JAPAN'S NEW COURSE TOWARDS A CARDINAL UPDATE OF ITS MILITARY POLICY FOR THE FIRST TIME SINCE THE END OF WORLD WAR II (PART I)

In the article, the authors analyzed the logical consequences of the end of the era of Russia's cooperation with the West after the end of the first «cold war» at the beginning of the 21st century and the recognition of the fact that there will be no return to the situation before February 24, 2022, i.e. before the start of Russia's Special Military Operation in Ukraine – in its relations with the United States, NATO and Japan. The thirty-year era of generally constructive, although not without problems, cooperation between Russia and the West has finally ended. Japan, which capitulated after the end of World War II, today, at the beginning of the 21st century, has found itself completely subordinated to American strategic interests in building a new world order in the Far East, and therefore its ruling circles are now taking the most active part in actions to contain Russia's influence in the world, in general, and in the Far East, in particular, preventing its rapprochement with China and helping to strengthen blocs of countries unfriendly to Russia in the Far Eastern region in the interests of the United States and its allies in this part of the globe.

Key words: «Cold War 2.0», arms race in space, «containment» policy, «new defense budget of Japan».